

УДК 346.62

БАНКРОТСТВО НА РУСИ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Мазнев Е. С.

Белгородский университет кооперации экономики и права

Статья посвящена рассмотрению вопросов развития законодательства в период феодальной раздробленности на Руси. Этот исторический этап в нормотворческой деятельности является крайне противоречивым, поскольку каждый регион (княжество) стремились к установлению собственных правил регулирования торговых отношений и как следствие банкротства, поскольку изначально данный институт зарождался как возможное последствие предпринимательской деятельности. Большинство ученых склонны считать, что в указанный период отношения, связанные с несостоятельностью должников, не получили никакого развития. Автор в данной статье предпринимает попытку опровергнуть изложенное утверждение, показав динамику в регламентации отношений в сфере банкротства на примере отдельных наиболее развитых в торговом смысле регионов нашего государства, где принимались документы, устанавливавшие правила торговли и банкротства граждан.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, торговля, долговая кабала, Псковская судная грамота, Смоленская торговая правда, ответственность, купечество.

Нормативное регулирование банкротства, заложенное в Русской Правде, предопределило развитие отечественного законодательства на несколько столетий. Дальнейшие источники российского права перенимали установленную концепцию, дорабатывая отдельные детали.

Современные исследователи зачастую рассматривают историю отечественного банкрутного законодательства, начиная с XVIII в., выдвигая тезис о том, что ранее законодательство в отношении несостоятельности граждан не получило достаточной правовой регламентации ввиду неразвитости хозяйственных отношений [2; 3; 5; 8]. Вместе с тем определенное своеобразие в регулировании несостоятельности все же существовало.

Один из наиболее авторитетных исследователей истории банкрутного законодательства дореволюционного периода А.Х. Гольмстен высказывал позицию о том, что после издания Русской Правды в конкурсном процессе наступил значительный пробел. Законодатель вплоть до 1649 г. не рассматривал данные вопросы, а развитие нормативного регулирования анализируемой области правоотношений произошло только с момента принятия Соборного уложения [4, с. 18].

Ученый признавал, что в период между Русской Правдой и Соборным Уложением принимались отдельные нормы, касающиеся несостоятельности граждан. Речь идет о договоре Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 г., а также о Псковской судной грамоте.

Однако эти коррективы, по мнению исследователя, не затрагивали конкурсный процесс, объединяющий правила погашения обязательств должника, правила, касающиеся определения очередности кредиторов в реестре требований к должнику.

Стоит отметить, что вопросы банкротства в той или иной мере рассматривались в Смоленской торговой правде (в дореволюционный период данный источник зачастую именовали как договор Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой,

Готландом и немецкими городами 1229 г.), Псковской судной грамоте, Судебниках Ивана III и Ивана IV, Соборном Уложении.

Тем самым практически в каждом значимом памятнике российского права вопрос несостоятельности так или иначе затрагивался. Однако, особого развития законодательство в рассматриваемой области на данном этапе не получило.

Так, обращаясь к тексту Смоленской торговой правды, можно установить изменение очередности погашения требований. Так, в ст. 6 нормативного документа определялось следующее: «Оже Немечкый гость даст свой товар в долг в Смоленске, а Русин будет должен Руси, инфо Немцию напереди взяти. Таже прав да буди Русину в Ризе и на Готьском березе» [10].

В продолжение этого вопроса ст. 7 окончательно устраняет все возможные варианты иного толкования относительно кредиторов первой очереди, т.е. кредиторов, чьи требования погашаются преимущественно перед другими. Указанная норма гласит: «Аще Князь взверъжетъ на Русина, и повелит его разграбити с женою и с детьми, а Русин будет должен Немцию, то (Немцию) наперед взяти, а потом како Богов любо и Князю. Таже правда буди Русину в Ризе и на Готьском берегу» [10].

Тем самым Смоленская торговая правда изменяла очередность погашения требований. Требования князя, связанные с выплатой податей в бюджет, относились ко второй очереди удовлетворения, в первую очередь подлежали удовлетворению требования иностранных купцов.

Введение подобных новелл могло быть связано только с желанием широкого развития международной торговли, ведь государственная власть по сути признавала вторичный характер своих требований, ориентируя должников на погашение финансовых обязательств перед подданными других государств.

Смоленская торговая правда представляла собой договор заключенный Смоленским, Витебским и Полоцким княжествами в качестве одной из сторон договора. Второй стороной договора выступали Рига и Готланд.

В силу политических и экономических обстоятельств Рига в этот момент являлась связующим звеном между западными, прежде всего немецкими, землями и территориями, населенными славянами. Идентичная роль принадлежала и городу Висби, расположенному на острове Готланд. По свидетельству историков данное направление было одним из двух наиболее популярных торговых направлений, соединявших рынки восточных земель и западной Европы [7, с. 362].

Более того, подписанию Смоленской торговой правды предшествовали длительные контакты на высшем уровне и даже подписание соглашения с Полоцким княжеством. Отсюда следует, что предоставление отдельных преференций иностранным купцам не выглядело чем-то экстраординарным.

Необходимо сказать, что привилегированное положение иностранных торговцев не было односторонним. В Смоленской торговой правде предусматривались зеркальные правомочия русских купцов требовать удовлетворения своих требований ранее исполнения бюджетных обязательств перед территориями подданства должников.

Оговорку что до того, что после погашения долгов иностранному кредитору дальнейшее погашение задолженности производится на основании воли князя, следует понимать в контексте действовавшего законодательства, а именно Русской Правды.

Таким образом, после иностранных купцов исполнение получал бюджет, а в последующем иные кредиторы. Вопрос о допустимости применения Русской Правды в условиях отступления от ее положений относительно определения кредиторов первой очереди как представляется подлежит однозначному разрешению путем применения правил более раннего источника, а не обычного права.

Такая логика связана с тем, что, как уже указывалось выше, само по себе толкование ст. 69 Русской Правды нельзя было признать однозначным и в отдельных случаях ее применение полностью соответствовало той очередности, которая была установлена в Смоленской торговой правде.

Но даже если говорить об осознанном отступлении от нормативного регулирования очередности, установленной в Русской Правде, ответ на рассматриваемый вопрос не изменится, поскольку применение нормативных источников в той части, где соответствующие правоотношения урегулированы, имеет очевидный приоритет над обычным, неписанным правом. Это позволяет сторонам в большей степени предопределить результат тех или иных действий и соответствует самому смыслу нормативного регулирования.

Подсудность споров, возникших между русскими и немецкими купцами, определялась исключительно в Смоленске.

В 1259 г. Великим Новгородом также был заключен договор с Готландом и немецкими землями, затрагивавший многие вопросы торгового взаимодействия.

В продолжение указанных договорных правоотношений в 1268 г. на фоне усиления власти и влияния Золотой Орды немецко-готландская сторона предложила новый вариант договора, устанавливавшего большее количество преференций для своих подданных и одновременно сокращавшего правомочия жителей Великого Новгорода. Данный проект новгородцами не был принят и в 1269 г. предложен собственный вариант договора.

Проект договора, подготовленный Великим Новгородом, представляет интерес в контексте попытки разрешения одного важного вопроса, имеющего отношение к институту несостоятельности.

Речь идет об ответственности супруги, поручившейся по долговым обязательствам своего мужа. В проекте предусматривалось, что в такой конструкции обязательственных правоотношений супруга также несет ответственность, т.е. может быть передана в холопство.

Несмотря на всю очевидность правового регулирования, приведенное положение проекта договора позволяло сделать вывод о том, что при отсутствии поручительства члены семьи не должны были нести ответственности по долгам главы семьи. Подобный поход был достаточно прогрессивным и отступал от традиционных позиций, заложенных как в российских, так и в зарубежных правовых источниках.

Однако следует отметить, что проект договора, предложенный Великим Новгородом, не был принят второй стороной. По указанной причине вышеизложенное условие так и не получило нормативный характер.

Обозначив правовое регулирование вопросов несостоятельности, установленное в Смоленской торговой правде, необходимо сделать оговорку, касающуюся ограниченного территориального действия указанных положений. Часть славянских княжеств все равно подчинялась правилам, установленным в Русской правде.

По мнению А.Х. Гольмстена, вышеприведенные выкладки из Смоленской торговой правды не касались случаев несостоятельности, а указывали на порядок погашения обязательств купцом, в случае их множественности [4, с. 18].

На наш взгляд столь узкий подход к толкованию нормативных положений нельзя признать правильным. Необходимость нормативного урегулирования порядка погашения обязательств возникает в момент образования признаков несостоятельности у должника, когда он становится неспособным удовлетворить все имеющиеся финансовые обязательства.

В ином случае вопрос о порядке погашения долгов не имеет никакого практического смысла, поскольку должник способен, не выбирая очередность погашения, исполнить все свои договоры, выплатить необходимые сборы и пошлины.

Помимо изменения очередности погашения долгов Смоленская торговая правда не содержала иных положений, касающихся института торговой несостоятельности.

Псковская судная грамота дополнила нормативное регулирование законодательства о несостоятельности важным положением о конкуренции залоговых прав. До 1397 г. (даты издания документа) данный вопрос не был предметом внимания со стороны правотворческих субъектов.

Как известно, в Псковской судной грамоте гражданско-правовые нормы получили свое существенное развитие. В этом состоит в некотором роде особенность указанного нормативного документа, поскольку в нем был сделан акцент на регулирование частных правоотношений и в меньшей мере отношений публичных, в т.ч. касающихся уголовно-правового регулирования. Причем данная ремарка характерна как в отношении обязательственного, так и в отношении вещного права.

В целом интерес к залому, да еще и в контексте конкуренции залоговых прав, выглядит для того периода времени очень прогрессивным. Вместе с тем само по себе решение обозначенной коллизии избрано незамысловатое – обеспечение равенства правомочий залогодержателей, т.е. по принципу *pari passu*.

Залоговая коллизия в Псковской судной грамоте рассматривается в контексте условия о смерти залогодателя.

В ст. 104 документа предусмотрено, что в случае если несколько истцов представят заложенные умершим грамоты, которые удостоверяют права на один и тот же объект, то они имеют одинаковый объем прав.

Причем в Псковской судной грамоте прямо указывается, что залогодержателю достаточно только подтвердить наличие самого обеспечительного (акцессорного) обязательства, т.е. залога, путем представления соответствующей грамоты.

Что же касается подтверждения обеспечиваемого (основного) обязательства, то его подтверждение осуществлялось либо путем представления соответствующего документа (например, договора займа), либо, при отсутствии такового, - путем приведения к присяге.

Необходимо отметить, что в силу общих норм действовавшего в этот период законодательства присяга допускалась в случае отсутствия иных доказательств своей правовой позиции. Как правило, применение присяги допускалось в случае незначительности размера требований, однако в случае с залогом имущества данный критерий, очевидно, во внимание не принимался, поскольку стоимость заложенного имущества в подавляющем большинстве случаев достаточна высока, ведь именно в этом и состоит смысл залога.

Суть присяги в гражданском процессе состояла в клятве применительно к наличию (отсутствию) определенных юридически значимых обстоятельств.

Из текста Псковской судной грамоты относительно условия о конфликте залогов следовало, что приносило присягу лицо, претендующее на получение прав залогодателя. Присяга приносилась в отношении факта наличия и условий основного обязательства, в обеспечение исполнения которого кредитору предоставлялись вещные права в виде заложенного имущества.

Те кредиторы, которые представили документальное подтверждение обязательственных правоотношений с должником, освобождались от принесения присяги.

Таким образом, согласно Псковской судной грамоте доказывание факта наличия основного обязательства в условиях множественности залогов на один объект гражданских прав происходило путем использования только двух способов доказательств – письменных доказательств (об этом свидетельствует формулировка «если ... у одних истцов, помимо заклада, окажутся еще и записи») либо присяги (о чем прямо указано в документе). Иные доказательства (в том числе показания свидетелей) в отношении искомых юридически значимых обстоятельств являлись, исходя из буквального толкования закона, недопустимыми.

Правило о старшинстве залогов в Псковской судной грамоте не устанавливалось. Разрешение вопроса о порядке исполнения основного обязательства при наличии одновременного обеспечения в виде залога одного и того же имущества по нескольким самостоятельным сделкам с различным составом участников осуществлялось на основании судебного решения.

В нормативном документе указывалось, что в случае если родственники умершего выразят намерение прекратить обеспечительные права на вещь, то они вправе поставить вопрос о выкупе предмета залога у кредиторов.

В такой ситуации имущество подлежало оценке, и наследники могли выплатить стоимость обремененной обеспечительными правами кредиторов вещи и тем самым сохранить имущество за собой.

Полученная от наследников сумма подлежала распределению между кредиторами пропорционально размерам их требований вне зависимости от их социального статуса, даты возникновения обязательств и иных фактических обстоятельств.

Как следует из текста Псковской судной грамоты, все вышеизложенные действия должны были производиться под контролем со стороны суда, который устанавливал как наличие основного обязательства, так и залогового обязательства, стоимость заложенного имущества, а также в конечном итоге распределял полученные денежные средства между кредиторами.

Перевод ст. 104 Псковской судной грамоты в части пропорционального распределения денежных средств между кредиторами не является однообразным [9]. Буквальная формулировка документа звучит как «да делят по делом» [6, с. 77].

Важной особенностью документа являлось то, что нормы Псковской судной грамоты предполагали исполнение обязательств исключительно за счет имущества должника. Тем самым нормативный документ не предполагал преодоление несостоятельности должника за счет лишения его личной свободы.

Несколько сложнее обстояла ситуация, когда признаки неплатежеспособности были следствием публично-правовой ответственности.

В ст. 113 Псковской судной грамоты закреплялось следующее правило: «... ударивший на суде кого-либо из тяжущихся платит потерпевшему один рубль, а при несостоятельности выдается головой потерпевшему и подвергается должному взысканию в княжескую казну» [6, с. 39]. Приведенное законоположение приводило отдельных исследователей к умозаключению о том, что несостоятельность должника является основанием для его передачи в холопство кредитору [1, с. 86].

Действительно, в случае назначения наказания в описанной выше ситуации, положениями Псковской судной грамоты допускалось распространение на должника вещных прав в пользу кредитора. Однако следует различать гражданско-правовую и уголовно-правовую (административно-правовую) ответственность. Если сформулировать предельно упрощенно, то в первом случае речь идет о нарушении имущественных прав кредитора, т.е. затрагивается личная имущественная сфера конкретного лица, во втором – нарушение публичного порядка.

Как уже отмечалось ранее, в первых источниках российского права происходило некоторое смешение публичной и частной форм ответственности. Вместе с тем представляется, что при анализе любых норм права следует производить разграничение не по виду наказания, а по характеру нарушения.

В данном случае нарушение состояло в неисполнении наказания, назначенного за нарушение порядка в судебном заседании и посягающего, помимо прочего, на здоровье и личную неприкосновенность потерпевшего.

Таким образом, природа штрафа, взимание которого установлено в ст. 113 Псковской судной грамоты, имеет публично-правовой подтекст. Неисполнение наказания в виде штрафа имеет ту же самую правовую природу.

Указанные выводы не могут быть поставлены под сомнение ссылкой на то, что в случае неуплаты штрафа должник несет по существу гражданско-правовую ответственность перед потерпевшим, поскольку уплачивает штраф именно ему, а при отсутствии возможности оплатить штраф, становится его холопом.

Однако данное обстоятельство лишь подчеркивает смешение законодателем видов ответственности, но не опровергает сам по себе характер нарушения, изначально не посягающего на имущественное положение потерпевшего.

Изложенная нами позиция косвенно подтверждается тем, что по тексту Псковской судной грамоты больше нигде не упоминается о возможности порабощения должника в случае невозможности погашения долга, в том числе возникшего в результате публично-правовой ответственности.

Представляется, что если бы составители Псковской судной грамоты намеревались установить возможность продажи должника в холопы как общее правило, то они тем более бы закрепили подобный механизм на случаи неисполнения личных имущественных обязательств должника. Однако такой оговорки по тексту нормативного акта не встречается.

Указанное свидетельствует о том, что передача должника кредитору в холопы являлась некой исключительной по своему характеру мерой ответственности, общим правилом являлась материальная ответственность должника.

Доказывание наличия долговых обязательств по Псковской судной грамоте могло происходить с использованием различных средств, в том числе путем судебного поединка или принесения присяги у креста. В целом указанное законоположение

было актуально для процессуального законодательства вне зависимости от категории дел.

Таким образом, нормы банкротного процесса на данном этапе исторического развития не выделялись в самостоятельный блок. Развитие материальных норм в большинстве регионов было фактически заморожено ввиду господствовавшей формы натурального хозяйства, стагнации в области товарно-денежных отношений и отсутствия общественного запроса на реабилитацию несостоятельных должников.

Между тем в тех княжествах, где проходили торговые пути либо существовали предпосылки для активного гражданского оборота, вводились нормы, призванные конкретизировать общие положения, заложенные в первом источнике отечественного права – Русской Правде.

В течение анализируемого периода в отдельных регионах появляется осознание того, что прозрачное нормативное регулирование отношений несостоятельности способно влиять на привлекательность города или района для торговли и как следствие пополнять бюджет за счет привлечения населения и дополнительных фискальных платежей. По указанной причине одним из важных направлений было урегулирование очередности удовлетворения требований иноземцев и сохранение гарантий российских купцов в зарубежных юрисдикциях.

Список литературы:

1. Арбекова А.В. Эволюция мер ответственности, применяемых при банкротстве к нарушителям имущественных прав кредиторов в России // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. №5. 84-97.
2. Багреева Е.Г., Рудая А.А. История развития и современность института банкротства // Евразийская адвокатура. 2020. №5. С. 15-19.
3. Баранец О.А. Становление и развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. №8. С. 16-21.
4. Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса / Под ред. А.Г. Смирных, 2-е изд. – М.: «Издание книг ком», 2019. 288 с.
5. Кубанцев С.П. Исторический аспект уголовной ответственности за недобросовестное банкротство в России и зарубежных странах // Журнал российского права. 2016. №12. С. 98-105.
6. Псковская судная грамота (1397-1467) / Сост. И.И. Василев, Н.В. Кирпичников. Псков: типография губернского правления, 1896. 77 с.
7. Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути. История культуры Древней Руси. Т.1. М.-Л., 1948. 484 с.
8. Слепышев В.А. Становление и развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 23. 2010. №9. С. 41-46.
9. Суворов Е. Банкротство в русском праве до Соборного уложения 1649: *pari passu*, отсрочка, дискриминация капитальных процентов и привилегия иностранных кредиторов // https://zakon.ru/blog/2021/02/18/bankrotstvo_v_russkom_prave_do_sobornogo_ulozheniya_1649_pari_passu_otstrochka_diskriminaciya_kapital (дата обращения 18.04.2023).
10. <https://runivers.ru/bookreader/book9738/#page/165/mode/1up> (дата обращения 13.04.2023).

Maznev E.S. Bankruptcy in Russia during the period of feudal fragmentation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 108–115.

The article is devoted to the consideration of the issues of the development of legislation during the period of feudal fragmentation in Russia. This historical stage in the rule-making activity is extremely contradictory, since each region (principality) sought to establish its own rules for regulating trade relations and as a consequence of bankruptcy, since initially this institution originated as a possible consequence of entrepreneurial activity. Most scientists tend to believe that during this period, the relations associated with the insolvency of debtors did not receive any development. The author in this article attempts to refute the above statement by showing the dynamics in the regulation of relations in the field of bankruptcy on the example of some of the most developed regions of our state in the commercial sense, where documents were adopted that established the rules of trade and bankruptcy of citizens.

Keywords: insolvency, bankruptcy, trade, debt bondage, Pskov court charter, Smolenskaya trade truth, responsibility, merchants.

Spisok literary:

1. Arbekova A.V. Evolution of liability measures applied in bankruptcy to violators of creditors' property rights in Russia // Actual problems of Russian law. 2021. Vol. 16. No.5. 84-97.
2. Bagreeva E.G., Rudaya A.A. History of development and modernity of the Institute of bankruptcy // Eurasian Advocacy. 2020. No.5. pp. 15-19.
3. Baranets O.A. Formation and development of legislation on insolvency (bankruptcy) in Russia // Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2007. No.8. pp. 16-21.
4. Golmsten A.H. Historical sketch of the Russian competitive process / Edited by A.G. Smirnykh, 2nd ed. – M.: "Publishing books com", 2019. 288 p.
5. Kubantsev S.P. Historical aspect of criminal liability for unfair bankruptcy in Russia and foreign countries // Journal of Russian Law. 2016. No. 12. pp. 98-105.
6. Pskov Judgment Certificate (1397-1467) / Comp. I.I. Vasilev, N.V. Kirpichnikov. Pskov: printing house of the provincial government, 1896. 77 p.
7. Rybakov B.A. Trade and trade routes. The history of the culture of Ancient Russia. Vol.1. M.-L., 1948. 484 p.
8. Slepyshev V.A. Formation and development of legislation on insolvency (bankruptcy) in Russia // Bulletin of Chelyabinsk State University. Vol. 23. 2010. No. 9. pp. 41-46.
9. Suvorov E. Bankruptcy in Russian law before the Council Code 1649: pari passu, postponement, discrimination of capital interest and the privilege of foreign creditors // https://zakon.ru/blog/2021/02/18/bankrotstvo_v_russkom_prave_do_sobornogo_ulozheniya_1649_pari_passu_otsrochka_diskriminaciya_kapital
10. <https://runivers.ru/bookreader/book9738/#page/165/mode/1up>